

"АМЕРИКА" ("Amerique". Paris, 1986) - философско-художественное эссе Бодрийара (см.). Посвящено осмыслению последствий возникновения на современном Западе все более обыскуствленной среды обитания, собственно философский анализ которых Бодрийар впоследствии осуществил в книге "Прозрачность Зла" - см. "Прозрачность Зла" (Бодрийар).

Текст "А." выстроен в жанре путевых заметок странствующего по стране философа. Внешне американские города напоминают Бодрийару "нечеловеческие черты внеземного объекта", созданного "транссексуальной капиталистической надменностью мутантов". Это "симметричная, светоносная, властвующая абстракция", где даже религия смогла сделаться "спецэффектом".

По мысли Бодрийара, "бесчеловечность нашего запредельного, асоциального и поверхностного мира" отыскивает свою "эстетическую и экстатическую" форму в великих американских пустынях. Именно они символизируют "экстатическую критику" современной культуры. Отсутствие у США прошлого, которое можно было бы осмыслить, позволяет Бодрийару сделать вывод, что Америка - "единственно реально существующее первобытное общество", хотя и принадлежащее будущему.

Америка - страна-"оригинальная версия современности" - именно ее города находятся в центре мира. Европейцы ("дублированная или с субтитрами" версия современности) безнадежно отстали от "ограниченности, способности к переменам, наивного отсутствия чувства меры и социальной, расовой, морфологической, архитектурной эксцентричности" американского общества.

Менее всего способны проанализировать его, по мнению Бодрийара, сами американские интеллектуалы, "драматически чуждые конкретной, невероятной мифологии, которая творится вокруг". Америка - гиперреальность, ибо являет собой утопию, которая "с самого начала переживалась как воплощенная".

Для Европы характерен "кризис исторических идеалов, вызванный невозможностью их реализации". У американцев - "кризис реализованной утопии, как следствие ее длительности и непрерывности". (Ср. у О.Паса: Америка создавалась с намерением ускользнуть от истории, построить утопию, в которой можно было бы укрыться от нее.) Истина этой страны способна открыться лишь европейцу, ибо только он в состоянии рассмотреть в Америке "совершенный симулякр, симулякр имманентности и материального воплощения всех ценностей". В этом средоточии богатства и свободы, когда "все доступно: секс, цветы, стереотипы жизни и смерти", всегда стоит, по

Бодрийару, один и тот же вопрос: "Что Вы делаете после оргии?" Оргия окончена, освобождение состоялось, - фиксирует Бодрийар, - "... секса больше никто не ищет, все ищут свой "вид" (gender), то есть одновременно свой внешний вид (look) и свою генетическую формулу. Теперь мы выбираем не между желанием и наслаждением, а между своей генетической формулой и собственной сексуальной идентичностью (которую необходимо найти)".

Философ видит вокруг себя субъектов "полного одиночества" и "нарциссизм, будь он обращен на тела или на интеллектуальные способности". Тело выступает здесь в качестве "объекта иступленной заботы": "мысль о физическом или нервном истощении не дает покоя, и смысл смерти для всех заключается в ее постоянном предупреждении". Речь не идет, согласно Бодрийару, чтобы быть или даже иметь тело, необходимо быть подключенным к нему: тело являет собой "сценарий", осуществляющийся посредством разнообразных "гигиенических реплик".

Характеризуя миссионерство и анабаптизм Америки, Бодрийар отмечает акцентированно расширенную концепцию американских музеев: "все заслуживает сохранения, бальзамирования, реставрации". Американцы, - пишет философ, - "... прозевав настоящее крещение, мечтают все окрестить во второй раз, и только это позднейшее таинство, которое, как известно, повторение первого, только куда более подлинное, для них имеет значение: вот совершенное определение симулякра" /подчеркнуто нами. - А.Г., О.Г./.

Одним из следствий такого культурного состояния выступает то, что американцы сражаются "двумя важнейшими видами оружия: авиацией и информацией. Иными словами: это реальная бомбардировка неприятеля и электронная всего остального мира... Такие армии не нуждаются в территории... Война /во Вьетнаме - А.Г., О.Г./ была выиграна одновременно обеими сторонами: вьетнамцами на земле, а американцами в электронном ментальном пространстве... Одни одержали идеологическую и политическую победу, другие извлекли из всего этого Апокалипсис сегодня, который обошел весь мир". По мысли Бодрийара, "если европейское мышление характеризуется негативизмом, иронией, возвышенностью, то мышление американцев характеризуется парадоксальным юмором свершившейся материализации, всегда новой очевидности... юмором естественной видимости вещей".

Европе присущ "тревожный синдром *deja vu* /уже виденного - А.Г., О.Г./ и мрачная трансцендентность истории". Свобода и равенство приобрели в Америке не-европейский облик. Как отмечал А.Токвиль (см.): "Я упрекаю равенство вовсе не в том, что оно вовлекает людей в погоню за запрещенными наслаждениями, а в том, что оно полностью поглощает их поиском наслаждений дозволенных".

Парадокс Токвиля, по мысли Бодрийара, состоит в том, что американское общество

тяготеет одновременно к абсолютной незначимости (все вещи стремятся к тому, чтобы уравниваться и раствориться в общем могуществе) и к абсолютной оригинальности. Америка - это "гениальный универсум, появившийся благодаря неудержимому развитию равенства, пошлости и незначимости". В своем коллективном сознании американцы "больше предрасположены к моделям мышления XVIII века: утопической и прагматической, нежели к тем, которые были навязаны Французской революцией: идеологической и революционной".

Как подчеркивает Бодрийар, "в американской системе поражает то, что не существует никакой заслуги в неподчинении закону, нет престижа в нарушении закона или несогласии с ним": этот конформизм "сближает американское общество с обществами первобытными, где с нравственной точки зрения было бы абсурдно не соблюдать правил, установленных коллективом". Такой конформизм оказывается "следствием пакта, заключенного на уровне нравов, совокупности правил и норм, предполагающих в качестве принципа функционирования почти добровольное согласие, тогда как в Европе распространилось чуть ли не ритуальное неподчинение собственной системе ценностей". Согласно Бодрийару, "гарсон из сартровского кафе ... изображает свободу и равенство с нами, ничего этого не имея. Отсюда несчастная надуманность его поведения, свойственная у нас почти всем социальным классам. Этот вопрос о равенстве нравов, свободе нравов не только не был никогда разрешен, но даже не был по-настоящему поставлен в нашей культуре [...] В Америке ... люди почти естественно забывают о разнице положений, отношения строятся легко и свободно".

Европейская культура - культура "переуплотненности", американская культура - демократическая культура пространства. Движение - естественное занятие для американца, природа - граница и место действия.

По мысли Бодрийара, "в этом нет ничего от вялого романтизма и галло-романского покоя, из которого состоит наш досуг". Отпуск стандартного француза суть "деморализующая атмосфера свободного времени, вырванного у государства, потребляемого с плебейской радостью и показной заботой о честно заработанном досуге.

В Америке свобода не имеет статичного или негативного определения, ее определение пространственное и мобильное". Осмысливая в этом контексте специфику американской демократии, Бодрийар отмечает: "... свобода и равенство, так же, как непринужденность и благородство манер, существуют только как изначально данные. В этом и есть демократическая сенсация: равенство дается в начале, а не в конце ... Демократы требуют, чтобы граждане были равны на старте, эгалитаристы настаивают, чтобы все были равны на финише". Америка есть реализованная антиутопия: антиутопия безрассудства, де-территоризации, неопределенности субъекта и языка, нейтрализации всех ценностей, конца культуры. Согласно Бодрийару, "тайна

"АМЕРИКА"

Автор: словарь
02.10.2007 18:20 -

американской реальности превосходит наши вымыслы и наши интерпретации [...] В этом смысле вся Америка представляет собой для нас пустыню".

Культура здесь "приносит в жертву интеллект и любую эстетику, буквально вписывая их в реальное". Нового в Америке - шок первого уровня (примитивного и дикого) и третьего типа (абсолютный симулякр). Европе это трудно понять, ибо она, констатирует Бодрийар, всегда предпочитала второй уровень - уровень рефлексии, раздвоения, несчастного сознания. Безжизненный и завораживающий Новый Свет девальвировал все европейские ценности, для Старого Света Америка - "страна без надежды".

А.А. Грицанов, О.А. Грицанов